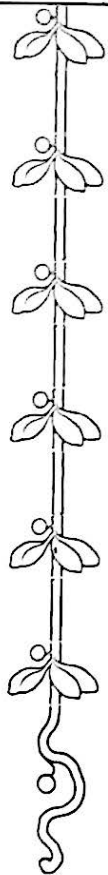

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ.}}$ 1910.

Безъ весны.

Въ дѣтствѣ у меня не было
дѣтства.

Чеховъ.

Антонъ Павловичъ любилъ цвѣты и не могъ сносить, когда при немъ ихъ рвали.

Такова была и его любовь къ дѣтямъ.

На пути изъ Одессы въ Севастополь сынишка знакомаго съ Чеховымъ поэта сталъ перегибаться черезъ бортъ. Антонъ Павловичъ поспѣшилъ къ нему вмѣстѣ съ его матерью и обратился къ ней:

— Бойтесь, чтобы онъ въ море не упалъ?

— Да.

— А если бы упалъ?

— Я бы бросилась за нимъ.

— И я бы тоже бросился, — тихо и спокойно замѣтилъ Чеховъ и, положивъ руку на плечо мальчика, отвернулся и не сказалъ больше ничего. (Федоровъ. „А. П. Чеховъ“).

Не характерно ли, что по окончаніи университета Чеховъ подавалъ прошеніе о зачисленіи его врачомъ именно въ дѣтскую больницу и что въ качествѣ вольнопрактикующаго онъ особенно удачно лѣчилъ какъ разъ дѣтей?

Душа ребенка была ему глубоко понятна, ибо въ немъ самомъ въ теченіе всей его жизни никогда не умирало дитя, какъ олицетвореніе нѣжной простоты.

Въ Ялтѣ Антонъ Павловичъ подолгу сиживалъ на верандѣ рядомъ съ сироткой 3—4 лѣтъ и сосредоточенно слушалъ ее, а она безъ-умолку лепетала ему свои дѣтскія наивныя слова и путалась ручонками въ его бородѣ. (Купринъ. „Памяти Чехова“).

Чеховъ видѣлъ въ дѣтяхъ великую возможность и со-
ответственно этому надѣлялъ ихъ самыми привлекательными 341

чертами, какія только могутъ быть присущи не обвѣяннымъ жесткимъ дыханіемъ жизни.

Но если отъ его картинъ специально дѣтскаго міра („Дѣтвора“, „Мальчики“, „Событіе“, „Кухарка женится“ и „На Страстной недѣлѣ“) вы обратитесь къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ онъ сталкиваетъ ребенка съ взрослымъ, то увидите, какъ безпощадно эта великая возможность попирается.

И отношеніе автора къ этому многогранному факту заставитъ васъ вспомнить объ Антошѣ, питавшемъ безконечную симпатію къ Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ. Эти одинокіе и забытые хохлята служили въ лавкѣ отца Антона Павловича и во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ представляютъ собой какъ бы экранъ, на которомъ художественный рефлексъ писателя останавливается съ особо любовной грустью. („Спать хочется“, „Отецъ семейства“, „Старый домъ“, „Случай съ классикомъ“, „Диктейская мелочь“, „Ванька“, „Бабы“, „Степь“). Зачѣмъ? Чтобы освѣтить безпросвѣтное бытіе тѣхъ, въ комъ Чеховъ видѣлъ мощную благотворную силу, способную проявить себя даже въ исключительной обстановкѣ:

„Самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ — это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости и радости... Присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку... Дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльных мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія. (Сочиненія. Т. XVI).

Ссыльные хорошо понимаютъ и дорого цѣнятъ ихъ... Но это — тамъ. Это — далеко. А здѣсь, „среди насъ, неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей, и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери“. („Три сестры“).

Въ этомъ похоронномъ звонѣ на дѣтскомъ погостѣ явственно слышится эхо пережитаго самимъ колоколомъ и во многихъ отношеніяхъ — увы! — совсѣмъ еще не стараго закала, который такъ чувствительно далъ себя знать Антону Павловичу въ бытность его ребенкомъ.

Чеховъ дома, гдѣ подзатыльники и оплеушины были 342 обычнымъ явленіемъ.

Въ греческой „Приходской при Цареконстантиновской церкви школѣ“ съ ея невѣждой и инквизиторомъ Вучиной въ роли инспектора...

Въ отцовскомъ полу-лабазѣ и полу-кабакѣ за прилавкомъ...

Въ его же церковномъ хорѣ изъ кузнецовъ, который безвозмездно пѣлъ въ храмахъ Таганрога...

Сестра покойнаго, Марія Павловна, опровергаетъ это, говоря, что Павелъ Георгіевичъ никогда не былъ жестокимъ и строгимъ отцомъ и былъ по отношенію къ дѣтямъ трогательно нѣженъ. („Ран. Утро“ 1908 г., № 187).

При всемъ уваженіи къ лежащимъ въ основѣ этого опроверженія мотивамъ, я — къ прискорбію — не только въ правѣ, но и долженъ не считаться съ нимъ.

Прежде всего потому, что трагедія дѣтства Чехова развѣрнута его братомъ, Александромъ Павловичемъ. („Вѣстникъ Европы“ 1907, IV, X и 1908, XI).

Затѣмъ, какъ извѣстно, Антонъ Павловичъ, будучи ученикомъ 7 класса, написалъ уничтоженную имъ впоследствии большую драму. Юное творчество всегда черпаетъ свое содержаніе въ непосредственно окружающей его дѣйствительности. Поэтому крупнѣйшее раннее твореніе Чехова пріобрѣтаетъ огромное показательное значеніе, хотя отъ него осталось лишь заглавіе: „Безотцовщина“...

Наконецъ, послушайте его самого, и ужъ тогда станетъ совершенно очевиднымъ, что въ дѣтствѣ у него не было дѣтства:

„Разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была страшная“. (Суворину).

Незадолго до смерти, коснувшись въ бесѣдѣ каторжной греческой школы, Антонъ Павловичъ сказалъ:

— Не люблю я вспоминать о ней. Много испортила она моихъ дѣтскихъ радостей...

Въ другомъ случаѣ, отвѣчая другу на его восторженный отзывъ объ извѣстномъ педагогѣ, Чеховъ тяжело вздохнулъ:

„Я готовъ за Рачинскаго животъ свой положить, но, милый другъ... разрешите мнѣ это „но“ и не сердитесь — я не отдалъ бы въ его школу своихъ дѣтей. Почему? Я получилъ въ дѣтствѣ религіозное образованіе и такое же воспитаніе — съ церковнымъ пѣніемъ, съ чтеніемъ апостола и каѳизмъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеніемъ утрени, 343

съ обязанностию помогать въ алтарѣ и звонить на колокольцѣ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ; религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо „Да исправится“ или же „Архангельскій гласъ“, на насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками. Да, милый! Рачинскаго я понимаю, но дѣтей, которыя учатся у него, я не знаю. Ихъ души для меня потемки. Если въ ихъ душахъ радость, то они счастливѣе меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ“. (Щеглову).

Литература объ Антонѣ Павловичѣ довольно велика. Между тѣмъ до сихъ поръ на это не было обращено никакого вниманія, и никто не сдѣлалъ попытки исчерпывающе обнажить и показать этотъ едва ли не важнѣйшій корень жизнечувствія, а стало-быть, и творчества такъ рано ушедшаго отъ насъ человѣколюбца.

Странно...

Тѣмъ болѣе, что самъ Чеховъ толкалъ критика-психолога именно на такой путь:

„Спасибо за ласковое слово и теплое участіе. Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно“. (Тихонову).

Гуманизмъ Антона Павловича—отблескъ слезъ Антоши...

Musca.

